

Построение карьеры в России и Китае: сетевые стратегии в гибридных экономиках

Научный руководитель – Барков Сергей Александрович

Чжан Сичэнь

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

E-mail: sereinnnzhang@gmail.com

Сравнительный анализ постсоциалистических трансформаций в России и Китае обладает высокой эвристической ценностью: при различиях в траекториях реформ («шоковая терапия» vs. градуализм) исходные институциональные условия двух стран обнаруживают глубокое сходство. Доминирование плановой экономики, институт «единицы» (даньвэй), дефицитный характер хозяйства, порождавший неформальные практики, — эти общие черты задают вопрос о том, как институциональное наследие, культурные коды и разные траектории реформ сформировали специфические «гибридные порядки» в экономике и управлении.

Под гибридным порядком понимается устойчивая конфигурация, в которой сочетаются: 1) унаследованные социалистические модели солидарности; 2) неформальные сетевые логики («гуаньси» в Китае, «связи» в России); 3) глобальные управленческие императивы. Центральный элемент анализа — влияние гибридных порядков на карьерные стратегии и механизмы рекрутирования.

Теоретическая рамка интегрирует три уровня. Концепция институционального наследия [1, 4]: общим для двух стран является «единица», сформировавшая патерналистскую солидарность и каналы неформальных взаимодействий. Разные траектории реформ стали точкой расхождения: в России — быстрое упразднение «единицы» при латентном сохранении её логики, в Китае — постепенная адаптация института.

Концепция укоренённости экономического действия [6] конкретизируется через различие культурно-исторических форм сетей. Китайская модель «гуаньси» укоренена в конфуцианской традиции дифференцированных порядков и представляет собой инструментально-экспансивную сеть взаимных обязательств [5]. Российские «связи» (блат) описываются логикой дихотомии «свои/чужие», отличаются закрытостью и ситуативностью [2]. Согласно В.В. Радаеву, это форма персонифицированных ресурсов, конвертация которых в карьерные позиции происходит через личную лояльность [3]. Ключевое отличие: в Китае «гуаньси» работает на карьерную экспансию, в России «связи» служат инструментом карьерной защиты.

Концепт гибридного порядка позволяет анализировать смешение трёх логик: патерналистской солидарности, неформальной сетевой рациональности и формально-рыночных стандартов. Карьерные стратегии предстают как продукт взаимодействия институционального наследия, микростратегий акторов и глобальных моделей.

Сравнительный анализ выявляет ключевые различия. В сфере занятости в России неформальные практики сохранили характер механизма выживания в условиях институциональной слабости [2]. Доступ к позициям опосредован кругом «своих»; это оборонительная стратегия. В Китае «гуаньси» трансформировалось в инструмент развития, выступая активным социальным капиталом для мобилизации ресурсов и построения альянсов [5] — проактивная стратегия.

Адаптация глобальных моделей управления также различается. Российские компании (особенно с государственным участием) воспроизводят модель социального патернализма:

программы КСО носят декоративный характер, реальное управление основано на личной лояльности [1, 4]. Китайские компании демонстрируют инструментальный гибрид: в частных фирмах — неопатернализм, в государственных — стратегическое использование «гуаньси» для связей с чиновниками [5].

В инновационном секторе в России активность сосредоточена в замкнутых профессиональных сообществах, дистанцирующихся от общенациональных практик «связей». В Китае инновации вплетены в экосистемы, где «гуаньси» структурирует доступ к венчурному финансированию и кластерам [5].

Выводы. Ключевое различие — функциональная доминанта сетей. В России «связи» выполняют компенсаторно-адаптивную функцию, выступая субститутами слабых формальных институтов [1–3]. Это следствие разных траекторий реформ [1]. В России карьерные стратегии носят оборонительный характер, в Китае сетевые ресурсы стали основой для предпринимательских карьерных траекторий.

Культурные модели задают форму гибридизации. Различное кодирование сетей («свои/чужие» vs. дифференцированные порядки) предопределило их совместимость с глобальными моделями. Инструментальная природа «гуаньси» позволила стать связующим звеном между локальными практиками и глобальным капиталом [5]. Закрытая природа российских «связей» затрудняет их трансляцию в формальные процедуры [2, 3].

Гибридный порядок — устойчивая конфигурация: в России — сетевой патернализм с элементами рыночной бюрократии, в Китае — сетевая модель государственно-частного капитализма [1, 5].

Исследование демонстрирует эвристическую силу сравнительно-исторического подхода. Перспективные направления: цифровизация сетевых моделей и формирование транскультурных гибридных практик в глобальных проектах с участием России и Китая.

Источники и литература

- 1) Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2003.
- 2) Леденева А.В. Неформальная экономика и неформальные отношения в постсоветском пространстве: опыт исследования блата и связей // Неформальная экономика. М.: Логос, 1999. С. 315–327.
- 3) Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. Т. 3. № 4. С. 20–32.
- 4) Радаев В.В. Экономическая социология. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 603 с.
- 5) Bian Yanjie. Guanxi Capital and Social Eating in Chinese Cities: Theoretical Models and Empirical Analyses. // Social Capital: Theory and Research. N.Y.: Aldine de Gruyter, 2001.
- 6) Granovetter M. Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3.